

Виктория Серебрянская

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

поневоле

Виктория Серебрянская

Телохранитель поневоле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69941920

SelfPub; 2023

Аннотация

Я хотела всего лишь глоток свободы перед замужеством, выгодным моему отцу. Но вместо легкой прогулки влипла в подозрительную историю с криминальным душком. Настоящий телохранитель погиб. А тот, кто его заменил... Он кто угодно, но не охранник. Скорее уж похититель. Я до одури его боюсь, но еще больше боюсь оказаться пешкой в чьей-то игре и погибнуть из-за собственной глупости. Выход один: попробовать его перехитрить. Но как перехитрить того, кто, кажется, видит тебя насквозь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Виктория Серебрянская

Телохранитель поневоле

Глава 1

Сайфер: Да ты шутишь! Так просто не бывает! Уже давным-давно во всем обитаемом космосе торжествует свобода выбора, тебя никто, слышишь, никто не имеет права запереть! Даже твой родной папа! Ты меня просто убила! О-о-о-о...

Лучик: Во всем освоенном космосе может быть. Но не мне тебе рассказывать, что такое самобытные этнические общины, и что такое традиции. Простые обитатели Объединенного Союза Планет, отвечающие только за себя, эту свободу имеют. Они вправе сами решать за себя, где будут работать и как будут добывать себе средства к существованию, будут создавать семью или им и так хорошо, хотя бы они перемен в...

Сайфер: Ты рассуждаешь, как древняя старуха, как доисторическое ископаемое. Пытаешься убедить меня, что у тебя этого выбора нет?

Я грустно усмехнулась, глядя на последнее сообщение в мессенджере. Выбор! Конечно же, он у меня есть. Но очень и очень ограниченный. Например, какого цвета я надена зав-

тра платье. Или: гладкую прическу сделаю утром или оставлю кокетливые локоны. От этих мыслей настроение катастрофически испортилось. Ведь, как ни крути, а Сайфер прав: выбора как такового у меня нет. Отец давно все за меня решил. И не в моих силах здесь что-то изменить. Смахнув невольную слезу, я быстро набрала ответ:

Лучик: Не пытаюсь, а говорю открыто. У нас принято, чтобы дети следовали выбору родителей. Родители уже имеют практический опыт и лучшие смогут распланировать жизнь своего ребенка, чтобы тот не набил шишек на тернистом пути. Или набил, но как можно меньше.

Сайфер: (смайлик с выпученными глазками) Слушай, подруга, а сколько тебе лет? Может, мне нужно обращаться к тебе на «вы» и по батюшке?

Лучик: (хохочущий смайлик) Не знаю, что такое «по батюшке», но я это определенно не заслужила. Мне девятнадцать.

О том, что по законам нашей расы я все еще несовершеннолетняя, я скромно умолчала. Какая, в сущности, разница? Мы все равно никогда не увидимся, а для общения в мессенджере неважно, совершеннолетняя я или нет.

Сайфер: О-о-о! Вот так бы и сразу! Слушай, подруга, пошли своего папашу с его замшелыми, доисторическими замашками в черную дыру и айда со мной в столичный дендропарк! Тебе там точно понравится...

– Лина Милена, – дверь в мою комнату резко распахну-

лась, являя моего личного телохранителя Чада, – вашего родителя нет дома. Вы не знаете, когда он вернется? Мне бы отпроситься ненадолго...

Я с трудом подавила желание воровато спрятать за спиной планшетник, с помощью которого я общалась в мессенджере с Сайфером. К счастью, мне хватило ума вовремя понять, что таким поступком я скорее привлеку к себе внимание, чем если буду и дальше сидеть с ним в руке. Мало ли чем я могла заниматься? Может, я себе свадебные туфли ищу!

– Точно не знаю, – небрежно пожала я плечами, стараясь выглядеть спокойной. Потому что на деле сердце у меня вдруг забилось как сумасшедшее. – Вроде бы, у него сегодня какая-то деловая встреча. Но я не уверена. Ты же знаешь, Чад, отец никогда передо мной не отчитывается. – Это была истинная правда. Сколько уже раз ужин задерживался из-за того, что отец не возвращался домой вовремя и забывал позвонить, сказать, чтобы я ужинала без него. – А что случилось?

Чад неловко затоптался под моим любопытным взглядом. И я почувствовала, как от удивления брови ползут куда-то на лоб. Обычно телохранитель себя так не вел. Был спокоен, уверен в себе и авторитетен. Обычно это я мялась перед ним, не зная, какими словами уговорить его сходить на выставку или в кафе. Клубы, рестораны и прочие сомнительные с точки зрения моего отца развлечения для меня были категорически запрещены. Я могла посещать только приличные за-

ведения, только днем и только те, которые несли в себе для меня какую-либо пользу. Например, просвещали на тему того, какой должна быть идеальная мать и супруга. Которая, между прочим, по вечерам обязана быть дома и ждать возвращения со службы супруга.

– Понимаете, лина Милена, – смущенно пробормотал Чад, окончательно меня заинтриговав, – мне необходимо на час отлучиться из дому... Я хотел взять отгул, если...

Представляю, каким глазами я таращилась сейчас на Чада, если под моим взглядом он окончательно стушевался и смолк. Такого за три года работы телохранителя не было ни разу! Чад всегда ставил интересы клиента превыше всего! И вот тебе на... Что же такого могло произойти у моего непрошибаемого телохранителя, чтобы он, во-первых, забыл про профессиональный кодекс чести, а во-вторых, краснел и мямлил почти как я?

Любопытство во мне разыграло с небывалой силой. И я с трудом сумела его задавить, надавав себе мысленных оплеух и строго напомнив себе, что уже всего через год я выйду замуж, стану хозяйкой большого дома и именно мне придется решать вопросы подобного рода, чтобы не отнимать время у своего сверхзанятого супруга. Воспоминание о будущем муже пришлось как нельзя кстати и надежнее воды и противопожарной пены потушило огонь моего любопытства, помогло взять себя в руки.

– Чад, – осторожно начала я, пытаясь на ходу решить, как

будет правильнее поступить в данной ситуации, – расскажи, что случилось. Я попробую тебе помочь. Если причина серьезная, то могу, в конце концов, связаться с линой Юджини, личной помощницей отца, и узнать у нее, какие у отца планы на сегодня.

Обычно спокойное и неподвижное, смуглое от природы лицо моего телохранителя, сейчас являло мне всю гамму смущения, темные глаза Чада не отрываясь смотрели на мыски его туфель:

– Да наверное, не стоит... Мне только встретиться кое с кем нужно было бы в столичном дендропарке... Но ради этого не стоит беспокоить лина Герцоу...

План сложился у меня в голове моментально. Едва я только услышала «столичный дендропарк»:

– О! Если так... – Я прикусила губу, изображая глубокие раздумья в попытке помочь своему телохранителю. – Наверное, это очень важная встреча, Чад, ты никогда ранее не отпрашивался со службы...

Краем глаза я наблюдала за телохранителем, пытаюсь предугадать его реакцию на мои слова. Смутится? Или, наоборот, испытает облегчение? Но Чад меня разочаровал.

Телохранитель внезапно успокоился и глубоко вздохнул: – Ну ладно. Видно, не судьба. Завтра увидимся...

Он повернулся, чтобы выйти из комнаты, и я чуть не взвыла. Стройный план, спонтанно возникший у меня в голове, рушился на глазах.

– Постой, Чад! – окликнула я мужчину, торопливо соскакивая с подоконника, на котором сидела до сих пор. – Ты сказал, что тебе нужно в дендропарк? – Телохранитель кивнул. – Ну так если это так важно, – я притворилась, что уже позабыла про слова Чада о том, что он перенесет встречу на завтра, – то мы можем сделать вид, что туда нужно мне. Например, сегодня последний день демонстрируют навыки ухода за каким-то редким растением и мне обязательно нужно на это посмотреть. Ты же знаешь, что лин Монтриалли, мой жених, просто обожает свой сад. Следовательно, я должна многое знать и уметь сама, чтобы проконтролировать работу садовников...

Я несла откровенную чушь и молилась про себя всем богам нашей Вселенной, чтобы телохранитель этого не понял, не распознал. Если бы на его месте был мой отец, то он бы сразу понял, что я ему лгу. Во-первых, лин Монтриалли был не только компаньоном, но и ближайшим другом отца. Обо всех его увлечения папа был осведомлен хорошо. А во-вторых, у папы, кажется, уже давно развился сверхъестественный нюх на мое вранье, и уж кому-кому, а папе я бы точно даже не заикнулась о посещении столичного дендропарка. Чтобы у него и тени подозрения не возникло, что у его правильно воспитанной и праведной дочери есть какой-то свой интерес.

Телохранитель колебался недолго. Видимо несмотря на его слова о переносе встречи, это было для него все-таки

важно. Потому что спустя всего пару секунд я услышала:

– Ну если вам несложно, лина Милена, то я буду вам очень признателен! И много времени не отберу: мне и нужно всего минут десять!

Я кивнула, стараясь подавить торжествующую улыбку, так и норовящую растянуть собой мои губы:

– Неважно. Дай мне просто пять минут, чтобы переодеться. Если папа увидит меня на улице в неподобающем виде, он никогда не поверит, что я отправилась в дендропарк по делам.

Это была правда, и мы оба с Чадом это знали. Поэтому телохранитель, ничего не заподозрив, согласно кивнул и сообщил, что подгонит к крыльцу мой аэромобиль. Вот только он не знал, что, сдирая с себя одной рукой так презируемые моим отцом джинсы, в которых я могла находиться только за закрытой дверью своей комнаты, второй рукой я торопливо отстучала в мессенджере сообщение:

Лучик: Обстоятельства изменились. Через двадцать минут я буду в дендропарке. Вот только я буду не одна, со мной будет мой телохранитель. Да и времени у меня будет в обрез.

Как бы мне ни хотелось, а за пять минут собраться у меня не получилось бы, даже если бы я не отвлекалась на мессенджер. Даже если бы из нервно дрожащих пальцев не вываливались вещи, а пуговицы нормально проходили в предназначенные им петельки. Просто потому, что лине Милене

Герцоу не пристало выходить из дому растрепанной и неприлично одетой. А «прилично» в понимании моего отца — это в платье или юбке, прикрывающем колени. Неяркой расцветки, со скромным, закрытым под самое горло лифом. С гладкой прической, чтобы не выбивался ни один волосок. С аккуратно подстриженными и, боже упаси, не покрашенными ногтями. В строгих туфлях на невысоком каблуке. В лицее, который я закончила всего полтора месяца назад, все одевались достаточно скромно. Но девочкам родители разрешали носить классические брюки, стричь коротко волосы и организовывать пикники с парнями из приличных семей. Мне же не позволяли даже этого. Впрочем, к подобному я давно привыкла. И в отсутствие требовательного отца, в своей комнате, носила то, что хотелось мне.

Да, мне не нравились строгие рамки, в которые с самого детства загонял меня родитель. И все же открыто его распоряжение я нарушала впервые. Наверное, поэтому у меня тряслись руки, а колени подгибались от одной только мысли о затейной авантюре. А ведь мне настоятельно требовалось собраться и взять себя в руки. Ведь если Чад что-то заподозрит...

Телохранителя три года назад нанял отец, выбрав из целого сонмища претендентов после весьма и весьма жесткого кастинга. Помнится, тогда кандидатов было двое. Но худощавый и подвижный тенриец с узкими и приподнятыми к вискам глазами, увидев объект охраны, то есть меня, не

сдержался и ошарашенно ляпнул:

– Я думал, мне придется вас охранять, лин Герцоу... Вы словно наемника на смертельно опасную миссию подбирали.

Отец, услышав реплику, промолчал. Только бросил косой взгляд на свою помощницу. Больше тенрийца я не видела. А скорость расправы настолько впечатлила второго кандидата, Чада, что он с тех пор соблюдал инструкции дословно, буква в букву. Хотя справедливости ради нужно сказать, что я никогда не давала ему повод пойти наперекор распоряжениям лина Герцоу. И вот... Чаду нужно с кем-то встретиться. А мне, уже чувствующей на себе ярмо скорого и нежеланного замужества, как никогда, вдруг захотелось урвать хоть глоток свободы. Почувствовать себя хотя бы на краткий миг молодой и беззаботной. Именно это мое желание, с каждым днем, с каждым часом наливавшееся все больше силой, привело к знакомству во всегалактической сети на каком-то дурацком форуме, посвященном лирике постмодернизма, с парнем под звучным ником Сайфер.

Поначалу мы с ним просто перебрасывались ничего незначащими сообщениями, обсуждали прочитанные на форуме стихи и погоду. Но постепенно переписка становилась все более личной. А Сайфер начал все настойчивее звать меня встретиться в реале. Я отнекивалась как могла. Даже частично приоткрыла перед Сайфером завесу тайны своей личности. И так бы это знакомство и осталось виртуальным, все же отец воспитывал меня довольно строго и мне бы про-

сто не хватило смелости, если бы не дурацкий случай, подброшенный самим телохранителем.

В аэромобиль я садилась затаив дыхание и почти до судорог вцепившись в сумочку, чтобы Чад, не дай бог, не заметил, насколько я взвинчена. Чинно поставила ноги вместе и расправила на коленях юбку из тускло-синего шелка. Ненавижу этот старушечий цвет, но сегодня он был для меня чем-то вроде брони. Телохранитель же, кажется, был весь в своих мыслях и на меня особо не смотрел. Привычно дождался, пока я устроюсь на сидении и пристегнусь ремнем безопасности, а потом просто захлопнул дверь. Я тихо выдохнула, пока Чад обходил аэромобиль, чтобы занять место водителя, и расслабленно стекла по спинке сидения вниз. У меня получилось! И сразу же я едва не взвыла: планшетник остался в моей комнате, я по привычке его спрятала подальше от глаз отца. Но позабыла поинтересоваться у Сайфера, как он выглядит! Конечно, я написала, что буду с телохранителем, и указала, где и в какое время. Но мы же там точно будем не одни...

От острого разочарования в самой себе, от допущенной ошибки, солнечный денек померк перед глазами. Ну я и дура! Так мне и надо, что одно-единственное знакомство с парнем для меня так и останется виртуальным. А я так и не узнаю, что это такое: встречаться с молодыми парнями, а просто выйду замуж за старого и жирного уроды...

– Лина Милена... – негромко позвал меня Чад, погляды-

вая в зеркало заднего вида. Мы с ним частенько так общались, и я давно к этому привыкла.

– Да, Чад? – сдержанно отозвалась, поймав взгляд телохранителя и стараясь не показать, как мне на самом деле плохо. Отчаянно хотелось заставить Чада вернуться назад, под предлогом того, что я в спешке забыла нечто важное, а самой забрать планшетник. Но я не посмела. – Ты что-то хотел?

– Спасибо, – вдруг улыбнулся мне телохранитель в зеркало. – Вы очень добрая и отзывчивая лина. Надеюсь, у вас все сложится хорошо, и вы будете в замужестве счастливее, чем в родительском доме.

Растерявшись от неожиданности, я кивнула и слабо улыбнулась. Будто поблагодарила за пожелания. А сама содрогнулась. Да, жить с отцом – это далеко не предел мечтаний, он много мне запрещает, моя комната для меня – это тюрьма. Комфортная и роскошная, но даже отсутствие решеток на окнах никого не обманывает. Я в ней узница. И вряд ли замужество меня освободит. Просто одно место заключения сменится другим. Вот и все. Вспомнив своего жениха, я содрогнулась.

Отец обручил меня с лином Монтриалли, едва мне исполнилось десять лет. Уже тогда он был лысоват и тучен. А сейчас я без содрогания не могла вспомнить необъятные тела своего жениха, его водянистые глаза, тонущие в рыхлых, с нездоровым оттенком кожи щеках, жидкие волосенки, которые не могли спасти никакие мастера парикмахерского дела.

И запах. Мерзкий запах, который не мог перебить никакой, даже самый ядреный парфюм. Запах больного тела и немощного духа. Отец говорил, что его близкий друг очень сильно болен. И ему крайне необходим наследник его финансовой империи. А потом хитро усмехался и добавлял, что мне нужно будет потерпеть всего чуть-чуть, а потом все будет в шоколаде. Вот только отец ни разу не сказал, у кого все будет в шоколаде. Явно, не у меня.

Я была совершенно уверена, что для меня легко и просто не будет ничего. Лин Монтриалли не идиот. Иначе бы не нажил себе такое состояние на торговле эксклюзивным программным обеспечением. А значит, он никогда ничего не оставляет на самотек. Даже если его... и не станет, то он найдет, кто будет контролировать жизнь его молодой вдовы после его смерти. До которой мне еще нужно дожить. В моем лице шепотом и тайком от преподавателей передавались неприятные сплетни о том, что Лин Монтриалли был уже женат пять раз. И все пять его супруг оказались на кладбище... Я пыталась поговорить на эту тему с отцом. Но, то ли я неверный тон разговора выбрала, то ли не вовремя заговорила на эту тему, отец не стал меня даже слушать. Разозлился, ударил меня по лицу, не став разбираться, и велел выбросить из головы глупости.

Планета Кахелия, бывшая моей родиной, уже давным-давно превратилась в один огромный мегаполис. Я и

не знаю ее другой. А ведь когда-то, еще когда мой ныне покойный дед учился в лицее, тогдашнее правительство Кахелии приняло странное, на первый взгляд, решение, и принялось методично превращать планету в столицу робототехники и искусственного интеллекта. В ту пору кахелийцы испытывали огромные финансовые трудности. Многие улетали куда глаза глядят в поисках лучшей доли. И как показало время, на первый взгляд сложное, трудновыполнимое решение политиков оказалось лучшим. Сейчас Кахелия была поставщиком программного обеспечения и дроидов для всей Галактики, кахелийцы процветали, бедных среди коренного населения не было. Но обратной стороной медали, ценой за процветание планеты было отсутствие естественной растительности – лесов, полей и рек давным-давно не стало, безжалостный город поглотил все. Улицы планеты-мегаполиса, залитые сплошным износостойким покрытием, призванным оберегать кахелийцев от травм при падении, украшали ухоженные и одинокие деревья в передвижных клумбах на колесах. А побродить между деревьев можно было только в немногих тщательно оберегаемых садах мегаполиса. Или на других планетах. Одним из таких мест и был дендропарк, в котором кто-то назначил встречу Чаду. В которое меня звал Сайфер...

Телохранитель привычно завел аэромобиль на подземную парковку возле южного входа в дендропарк. Мы здесь ранее не были, но все подобные места были похожи, как близнецы.

И мне пришлось, как всегда, дожидаться, пока Чад выберет безопасное, по его мнению, место парковки, выйдет из автомобиля сам, осмотрится, и только после этого откроет дверь для меня. Сегодня эти привычные действия раздражали как никогда. Хотя я и понимала, что встреча с Сайфером не состоится по моей собственной глупости, раздражал Чад.

– Лина Милена, – позвал меня неподозревающий о моих мыслях и чувствах телохранитель, – пожалуйста, не отходите от меня ни на шаг! – виновато попросил он. – Я быстро разберусь, зачем меня сюда позвали, а потом мы сможем пойти туда, куда вы скажете! И... – телохранитель замялся, но потом выпалил: – Я вас очень благодарен! Если вы захотите, чтобы я и дальше вас опекал, я не стану отказываться. Или, если захотите, чтобы вас после свадьбы сопровождала девушка, дам рекомендации. У меня есть пара знакомых сослуживиц, которых я могу рекомендовать не глядя. Если честно, – нервно бормотал Чад, увлекая меня под локоть сначала под аркой прохода в дендропарк, а затем и по одной из неприметных боковых аллей, – я удивлен, что ваш батюшка изначально не нанял для охраны дочери женщину. Это было бы логичнее, чем нанимать бывшего звездного десантника, мужчину...

У меня невольно вырвался вздох. Я до сих пор не знала наверняка, но теперь начала догадываться. Отец так телохранителю ничего и не рассказал за прошедшие годы. Не мне его судить, покушения давным-давно прекратились, но

охранник, как мне кажется, должен был знать...

— Отец считает, что женщины в роли бодигардов ненадежны, — со вздохом ответила на невысказанный вопрос, тщательно подбирая слова и невидящим взглядом провожая мелькавшие по бокам дороги деревья, — что они могут увлечься подставным парнем и предать. Женщины не умеют быть верными.

— А мужчины, по его мнению, в этом отношении надежны? — изумлено поинтересовался Чад, запнувшись от удивления на месте. — По-моему, мужику тоже можно подсунуть подходящую телк... кхм... девушку и заморочить ему голову так, что он и не вспомнит о долге!

Я молча пожала плечами в ответ. Да и что здесь говорить? Образцово-дрессированных тараканов в голове моего отца хватит на всю Кахелию, я в этом убедилась давно. Если он что-то вобьет себе в голову, спорить с ним бесполезно. И даже опасно. Я никогда не понимала отца и мотивов его поступков. К счастью, мы шли очень быстро, я даже начала слегка задыхаться, хоть и исправно посещала четыре раза в неделю тренажерный зал, поддерживая тело в форме. И к тому моменту, когда мне нужно было что-то сказать Чаду в ответ, мы уже пришли на назначенное место. Я это поняла по тому, как телохранитель подвел меня к какой-то скамейке и попросил посидеть пару минут. Едва я присела и расправила на коленях юбку, в дальнем, противоположном конце аллеи, из-за поворота появилась мужская фигура.

Незнакомец шел быстро, чеканя шаг. Но при этом в нем не чувствовалось военной выправки, как у Чада. От нечего делать я принялась его изучать.

Длинные, ненамного короче, чем у меня, волосы незнакомца, трепал легкий ветерок, шаловливо качавший ветки деревьев. Мужчина был еще далеко, я не могла рассмотреть черты его лица, но в душе почему-то зашевелилось смутное узнавание. Незнакомый кого-то мне напоминал. Хотя я могла бы поклясться на библии, что раньше его никогда не видела. Просто разворот плеч, обтянутых то ли курткой, то ли спортивным пиджаком, посадка головы и походка были мне почему-то знакомы.

Чад взволнованно шагнул парню, хотя нет, скорее молодому мужчине навстречу:

– Диллон, что случилось? Что за спешка? Ты же знаешь: у меня контракт!..

– Это важнее, – сухо и враждебно отрезал тот, кого Чад назвал Диллоном. – Кто это с тобой?

– Объект. – Незнакомец уже достаточно к нам приблизился, чтобы я смогла рассмотреть поднятые в удивлении брови, узкое, худощавое лицо, еще больше вытянувшееся от изумления, и округлившиеся глаза. – Ну а что ты хотел? – обиженно отозвался Чад. – У меня контракт, и не так просто отпроситься у нанимателя. Сменщиков нет...

– Чад, тебе что, все мозги отшибло в последнем бою? – сердито огрызнулся тот, кого называли Диллоном. – За ка-

ким... ты притащил сюда девчонку? Не мог сказать, что встречу нужно перенести?!

– Не мог! – буркнул Чад, виновато оглядываясь на меня. – Ты же сказал, что очень срочно и важно...

Телохранитель и тот, кто назначил Чаду сегодня встречу, остановились всего в полуметре от меня. Так близко, что я не только все могла слышать, но даже рассмотрела серые, как грозовое небо, глаза незнакомца, смотревшие сейчас на Чада, как лазерный прицел.

– Идиот! – выплюнул Диллон в лицо моему телохранителю. – Вояка, как есть! Отец прав, что не доверяет тебе семейный бизнес. Ты как не умел думать, так и не научился до сих пор!..

– Ты меня позвал, чтобы оскорбить и напомнить, что я в собственной семье паршивая овца? – обманчиво-спокойно спросил в ответ Чад. А я напряглась. Острое чувство опасности вдруг почему-то полоснуло по нервам. Они же сейчас не подерутся? Нет?

Диллон хорошо владел своим лицом, оно почти не изменилось. Но вот его глаза... В них и так было страшно смотреть. А сейчас и вовсе начало казаться, что это глаза смерти. Стараясь не показать своего страха перед ним, будто это был дикий зверь, а не гуманоид, я медленно, с показным безразличием отвернулась, уже сожалея и досадуя на саму себя, что отважилась на авантюру, и принялась разглядывать аллею в той стороне, откуда пришли мы с Чадом.

Именно в этот момент, у меня на глазах, в дальнем конце аллеи возникло несколько быстро мчащихся фигурок на аэроскейтах – популярном развлечении подростков всех социальных сословий. На досках гоняли все: и бедные, и богатые. Даже я одно время каталась по нашему саду, и отец сквозь пальцы смотрел на это мое развлечение. Только заставлял защиту надевать, чтобы не переломалась при падении. Поэтому быстро приближающие фигурки не насторожили никого. Да и чего опасаться? С визгами и гиканьем соревнующихся подростков? Так они опасны лишь тем, что могут сбить с ног. Так думала я. Но лишь до того момента, как один из четверых скейтбордистов, поравнявшись со мной, вдруг не выкрикнул, замахнувшись в мою сторону:

– Привет папочке от Храмцевых и Сайфера!..

В меня полетел какой-то предмет.

Я слышала, что иногда так бывает. Но сама впервые наблюдала подобный эффект вживую, а не на мониторе искажения или по галавидению. Время будто превратилось в резину. Замедлилось, растянулось, давя на нервы и психику. Только сейчас я обратила внимание на то, что все скейтбордисты вместо защиты были одеты в одинаковые безразмерные серые худи с накинутыми на бейсболки с козырьком капюшонами. Они все были на одно лицо, если так можно было сказать про тех, у кого из лиц в зоне видимости мелькали лишь подбородки. И только аэроскейты, на которых подростки стояли, были разного цвета. Например, тот, кто вы-

крикнул привет и замахнулся, стоял на черной, зловеще отливающей багровым мраком доске со стилизованной надписью, выющейся сбоку от ног юнца «Посланец смерти». И меня поразила не столько сама надпись, сколько умение мальчишки балансировать на довольно большой скорости, не теряя при этом равновесия. Парень словно сросся со своим аэроскейтом, легко стоял на нем, будто влитой. Я так и не смогла подобному научиться.

Наверное, это глупо с моей стороны. Но я так и сидела, как примерная девочка, на скамье, поставив вместе ноги, расправив юбку, выпрямив спину, развернув плечи и сложив на коленях руки. И только сведенные смертельной судорогой пальцы, сжавшиеся на сумочке, могли бы выдать происходящее со мной. Если бы кто-то присматривался со стороны. Я даже не осознавала, какое впечатление производит выражение моего лица. Бледна ли я или нет? Расширены ли мои глаза от ужаса или мне удалось «сохранить лицо»? Хотя, в принципе, чего пугаться? Ну подумаешь, швырнули в меня какой-то коробок, сверкающий предостерегающим красным индикатором! Ерунда какая! Не было такого раньше, и я не знаю, что теперь делать и как поступить? Так всегда бывает первый раз!

В голове у меня была какая-то каша. А вот тело будто парализовало. Я продолжала наблюдать за всем словно со стороны. Вот подростки с улюлюканьем и свистом почти пронесли мимо. Мелькнул какой-то перекошенный, напря-

женный подбородок того, кто швырнул в меня коробком. Вот Чад и Диллон одновременно повернули головы и увидели, что происходит. От острого, режущего без наркоза по живому взгляда последнего у меня внутренности скрутило от боли. Этот взгляд презрительно сообщал мне, что я – тупая идиотка, овца, не стоящая усилий Диллона. А потому меня совершенно не удивило, когда Диллон вдруг прыгнул подросткам наперерез. И испуганное, с выражением смертельного ужаса в глазах лицо бросившегося ко мне Чада тоже не удивило. Ему положено так поступать, у него контракт. А вот дальше мой мир вдруг раскололся, дал трещину и начал распадаться на куски у меня на глазах...

– Во имя свободы моей с!.. – вдруг выкрикнул тот, кто зашвырнул в меня коробок, но захлебнулся криком.

Диллон врезался в него всем корпусом, сбивая мальчишку с доски. Последний из четверки скейтбордистов резко присел на доске и вынужден был сильно вильнуть, чтобы избежать столкновения с упавшим с доски товарищем. Багровая надпись «Посланец смерти» в последний раз ярко сверкнула, и черный аэроскейт на скорости врезался в дерево напротив меня. Раздался хлопок, в разные стороны брызнули осколки пластика и отколовшиеся от ствола дерева щепы. Его хозяин плашмя упал на дорогу и пару раз обернулся вокруг своей оси, откатываясь к обочине. Там и затих. Диллон, бросившийся на него, каким-то немыслимым образом сгруппировался и сразу же вскочил после падения на ноги,

бросившись к неподвижному пацану. Сдернул капюшон худи и бейсболку. И смачно выругался. Увы, что он там увидел, мне не было видно.

Казалось, все эти действия заняли вечность. А на самом деле прошел, наверное, миг. Во всяком случае, коробка все еще летела в мою сторону, но я уже могла различить на одном из ее боков дисплей и мигающие на нем цифры. И так же летящего в прыжке по воздуху Чада с открытым, перекошенным ртом. Кажется, телохранитель что-то кричал мне. Вот только в ушах у меня стоял сплошной непрекращающийся гул. Я не могла разобрать слов бодигарда. Кажется, я действительно дура...

Одновременно с этой странной, непривычной мыслью, по-хозяйски расположившейся у меня в голове, проклятый коробок, летящий в мою сторону, вдруг словно раздуло почти до состояния шара. Блеснул огонь. Раздался оглушающий, больно бьющий по ушам грохот. И в разные стороны помчались клубы дыма и пламени в сопровождении осколков пластика и чего-то еще, чему я не могла дать названия...

Ясный солнечный денек для меня померк. Дендропарк, наполненный шорохом листвы и безмятежностью, словно отодвинулся куда-то очень далеко от меня, невообразимо далеко. Я не могла бы до него дотянуться, даже если бы очень этого хотела. Но мне этого и не нужно было. Куда сильнее меня занимало то, что в левую щеку будто сахранские шерши жала воткнули, впрыскивая в кровь свой парализующий

яд. Мне было так больно! Так безумно больно, что хотелось заорать на всю Вселенную. Вскочить и бежать пешком на край освоенного космоса, только бы избавиться от жгучей, разрывающей на части боли. Но тело будто парализовало. Оно мне не подчинялось. Из сведенного спазмом горла не вырывался даже хрип...

Подумалось, что это уже конец. И даже стало немного жаль, что в свой последний день я выгляжу так, как нравится отцу и лину Монтриалли, а не мне. Может быть, хотя бы в крематорий меня отнесут в джинсах и вот той шелковой, полупрозрачной кофточке, на которую отец презрительно фыркнул, что она не стоит денег за ценник, на котором напечатали ее цену.

Чада было жалко до слез. На моих глазах в его тело впились тысячи крохотных кусочков, разлетевшихся в разные стороны от лопнувшей коробки. Чада выгнуло дугой. Но он, не обращая внимания на совершенно очевидную боль от ран, все пытался добраться до меня, спасти.

Я не могла отвести от телохранителя глаз, когда в мозг пробился чей-то чужой, полный бессильной ярости и отчаяния крик:

– Ча-ад!.. Не смей умирать! Слышишь?! Не смей!

Бодигард приоткрыл мутные, больные глаза, нашел взглядом меня и прошептал:

– Объект... Девушка... Поклянись, что не дашь ее в обиду...

От первого слова в душе все перевернулось. Стало больно, хоть слова Чада и были логичными: отец ему заплатил немалые деньги, чтобы Чад охранял меня. И эта разорвавшая надвое боль словно ослепила меня, лишила возможности что-либо еще чувствовать. Поэтому я совершенно безразлично отнеслась к следующим словам бросившегося к Чаду Диллона:

– Да провались она пропадом, маленькая идиотка!.. Мне на нее начхать!..

Но телохранитель, не обращая внимания на полные бесильной ярости слова в мой адрес и сделав поистине титаническое усилие, приподнялся и вцепился в руку склонившегося над ним Диллона:

– Нет... – Чад тяжело, с надрывом дышал. – Нет... Поклянись! Поклянись, что не бросишь ее...

Телохранитель так требовательно, так умоляюще смотрел в лицо Диллону, что у меня сердце рвалось на части в груди. И тот сдался. Скривился, но кивнул:

– Ладно. Если ты так хочешь...

– Хочу!..

Кажется, это последнее усилие стоило для телохранителя слишком много. Получив так необходимое ему обещание, что меня не бросят и защитят, он обмяк. Рукав курточки Диллона выскользнул из его пальцев, а глаза закрылись. Диллон отчетливо скрипнул зубами.

Несколько мгновений он пристально смотрел на обмяк-

шее тело Чада. Потом воровато оглянулся по сторонам, не обращая, впрочем, на меня никакого внимания, что-то достал из кармана брюк, на мгновение сжал в кулаке, а потом положил на грудь Чаду. Присмотревшись, я различила коробок, похожий на тот, что метнул в меня скейтбордист, и что совсем недавно взорвался в воздухе.

Сердце в ужасе сжалось. Этот Диллон решил взорвать тело Чада?! За что?! Почему?! А если телохранитель еще жив и его можно спасти? Вот теперь неведомая сила, до этой секунды надежно прижимавшая меня к лавочке и не дававшая встать и уйти, исчезла, а меня будто пружиной подбросило: – Не-е-е!..

Я захлебнулась криком и не смогла договорить «нет». Просто Диллон, по-змеиному взвившись в воздух, перехватил меня на лету и сжал так, что в легких мгновенно закончился воздух, а вдохнуть еще я не смогла. Глаза заволкло блаженной темнотой, в которой не было боли, взрыва, мертвого телохранителя и этого чокнутого Диллона, чтоб ему...

Глава 2

– Очухалась? – Чужой, злой и какой-то опасный голос во-
рвался в уши, заставляя мгновенно испуганно распахнуть
глаза. – Поднимайся, – последовал не терпящий возражений
приказ, – хватит уже изображать из себя труп!

Веки будто кто-то склеил вечным клеем для пластика, я
такой видела у помощницы отца, но в сердце уже впились
жесткие, ледяные пальцы страха. И в кои-то веки у меня
включился инстинкт самосохранения. Испуганно распахнув
глаза и увидев склонившегося надо мной незнакомого типа,
я рефлекторно, будто откинутая пружиной, мгновенно от-
катилась подальше от незнакомца, села, подобрала под себя
ноги, для надежности обхватив их руками, и огляделась.

Вокруг все было чужое. Я сидела на какой-то убогой кой-
ке, которую назвать кроватью не поворачивался язык: серое,
грубое и комковатое нечто подо мной, то ли матрас, то ли
одеяло, тусклые металлические трубы, изображающие спин-
ку кровати, а за спиной холодная обшарпанная стена. По
ощущениям тоже металлическая.

– Где я... – Голос хрипел и был едва слышен. Я испуганно
прочистила горло, наплевав на приличия, и попыталась еще
раз: – Отпустите меня! Я хочу домой!

На этот раз голос вернул былую звонкость, но в конце
фразы позорно сорвался на визг. Даже я съежилась от этого

противного звука и испуганно покосилась на того, кто стоял у кровати, закрывая мне остальной обзор.

Мужчина, нет, молодой парень, вдруг как-то странно хмыкнул:

– Не бойсь... Не обижу.

Из его голоса ушла звеневшая до этого злость, но холод и отчужденность остались, заставляя внутренности сжиматься от неясной угрозы. И все же не смотря на страх, и ненавидя себя за это, я умоляюще попросила, внезапно осознав, кто сейчас стоит передо мной:

– Диллон...пусти! Пожалуйста! Зачем я тебе? А мой папа заплатит...

То, что я допустила серьезный просчет, поняла моментально. Голова на удивление работала ясно. Я вспомнила все: и мою интригу, и дурацкий просчет с Сайфером и планшетником, и подозрительную сцену на аллее дендропарка. Услышав от меня свое имя, Диллон сразу как будто расслабился. Но стоило мне только заикнуться о деньгах, как он снова превратился во взбешенного, разъяренного зверя:

– Заплатит? – Серые глаза снова лазерными прицелами впились в меня, причиняя почти физическую боль своим взглядом. Диллон, до этого стоявший, склонившись надо мной и опираясь одной рукой о стену у меня над головой, резко выпрямился и выплюнул: – Конечно, заплатит! Даже и не сомневайся! Жизнь Чада дорого стоит. – И жестко добавил: – Но не деньгами! Кредиты – это мусор! Они мне не

нужны!

Где-то в груди похолодело. Стало безумно страшно. Постепенно я начала сознавать, в какую задницу вляпалась. Хотя до конца картина мне еще не была видна. Облизнув губы, я решилась осторожно уточнить:

– А что же тебе тогда нужно?

Серые глаза снова полоснули меня лазерным лучом, заставляя мысленно корчиться от боли. Ну у него и взгляд! Да этому Диллону и оружие не нужно, чтобы держать в повиновении своих врагов! А их у него, судя по его поведению...

– Придет время – узнаешь! – отрезал парень, поворачиваясь ко мне спиной и направляясь на выход. – А пока сиди здесь и не рыпайся!

Диллон скрылся за такой узенькой дверцей, что еще немного, и парню пришлось бы протискиваться боком. И как только он исчез из поля зрения, мне сразу же стало даже легче дышать.

Медленно расправив уже начавшие неметь от напряжения конечности, я ошеломленно обвела помещение взглядом, пытаясь осмыслить, куда я влипла, и как теперь выкручиваться из создавшегося положения. Отец же меня просто убьет! Особенно когда узнает, что из-за моей глупости погиб телохранитель, а ему теперь придется выплачивать его родным компенсацию. Был такой пункт в договоре, я знала. Если охраняемый объект не будет вести себя разумно и подчиняться справедливым требованиям безопасности, что по-

влечет за собой гибель охранника, всплыли в голове скупы строки, то... Стоп!

От новой, пришедшей в голову мысли, я даже беспокойно завозила на кровати. Ведь если Чад мертв, то никто и никогда не узнает о моей афере! Мне бы только добраться до галанета и посмотреть список проводимых в дендропарке мероприятий! А там уже никто и никогда не докажет, что я помогла телохранителю выбраться из дому *на ему нужную встречу*, рассчитывая и сама тайком увидеться с посторонним парнем!

Окрыленная, я соскочила на пол, нашла свои туфли, миллетом отметив, что для грубияна Диллона еще не все потеряно, раз у него хватило ума снять с меня обувь перед тем, как положить на постель, а в том, что именно он меня сюда принес, я не сомневалась, и бросилась на поиски своей сумочки. Итак, сначала обеспечиваю себе законный повод для выхода в город. А дендропарк был в списке одобренных отцом к посещению мест. Потом связываюсь с отцом и сообщаю, что меня похитил какой-то странный тип и что ему от отца что-то нужно. Потом... Потом по обстоятельствам. Все же моя версия событий, которую я сейчас пытаюсь создать, как говорится, шита белыми нитками. Я очень многого не знаю, и это всерьез беспокоит.

Комната, в которой я открыла глаза, оказалась небольшой, я бы даже сказала крохотной. В ней помещались две убогие кровати, на одной из которых очнулась я, какая-то странная

модификация стола или тумбочки под окном и по жалкой олеографии на стенах над каждой кроватью, претендующих на громкое название картин. Их рамки были такими же унылыми и невзрачными, как и напечатанные на обыкновенном бытовом принтере изображения инопланетных ландшафтов. В чем-чем, а в этом я разбиралась хорошо, ибо одним из самых главных предназначений окончивших наш лицей девочек было стать хорошей супругой и обеспечить в доме уют для семьи. Нас учили разбираться во всем, что могло пригодиться или потребоваться в богатых домах. Так что я вполне могла по одной картинке в галанете определить, из чего сделан тот или иной предмет обихода, и сколько он стоит кредитов.

Мой план по спасению составился быстро и как будто сам по себе. Уже тогда следовало догадаться о том, что он не будет жизнеспособен. Просто потому, что мне в моей жизни вот так просто, по щелчку пальцев не доставалось ничего, хоть у отца и достаточно денег. Через несколько секунд лихорадочного обшаривания всего, до чего я могла дотянуться, пришлось с горечью констатировать: мой план провалился, а сумочки в номере просто нет. К тому же, с руки исчез коммуникатор, остался лишь простенький детский браслет с часами, который я носила из сентиментальности. Папа подарил мне его тогда, когда отвратительное замужество еще не маячило на горизонте, а я была бесконечно счастлива.

Мне стало физически плохо и холодно от понимания того,

что позвать на помощь не получится. Что я осталась один на один с проблемами и с не совсем адекватно ведущим себя незнакомцем. То, что я знаю его имя не в счет. Что теперь, впервые в жизни, мне придется самой со всем разбираться...

На глаза навернулись слезы. Но сразу же высохли, едва за моей спиной раздалось издевательски-презрительное:

– Цыпа, ты случаем не это ищешь?

Резко обернувшись, я увидела стоящего в дверях Диллона в одних брюках. С мокрых волос на обнаженный торс стекала вода. Но мне было не до любования совершенным мужским телом. Потому что на пальце у мерзавца болталась моя потеря, моя сумочка.

– Отдай!

Отчаяние и близость так необходимой мне для спасения вещи затмили все. И я, не раздумывая, бросилась на парня, чтобы отобрать у него сумочку. Глупо. Хотя бы потому что он физически заведомо сильнее меня. Еще на подлете к его торсу Диллон перехватил меня жесткой как сталь свободной рукой, не позволив дотянуться до сумочки. И, не успев даже испугаться, через мгновение я, преодолев короткое расстояние по воздуху, уже лежала на боку, на той койке, с которой прыгнула несколько минут назад.

От удара перехватило дыхание. И вместе с болью пришел запоздалый страх: да, Диллон закинул меня на койку как огрызок симмеры в утилизатор. Очень ловко. А если бы промахнулся? Удар виском о железную спинку койки, и прощай,

Милена! Твоему телу пора в крематорий! Я в ужасе уставилась на неторопливо приближающегося ко мне молодого мужчину.

– Значит так, лапуля, – его голосом можно было заморозить космос, – пора тебе уяснить некоторые правила поведения: ты сидишь тихо, не создаешь мне дополнительных, к уже имеющимся, проблем. Не скандалишь, не истеришь, не делаешь пакости. И твоя шкурка не пострадает. А когда все закончится, я тебя отпущу, пташка, на все четыре стороны. Уяснила?

Страх, нет, не страх, а настоящий животный ужас, унижение, беспомощность были малой толикой того, что я чувствовала, лежа на боку, на койке в каком-то мерзком притоне и глядя на вполне привлекательного парня, оказавшегося таким... таким... таким... Впервые подумалось, что отец прав, говоря, что все красавчики – полные мрази. И в душе шевельнулось что-то, похожее на благодарность родителю за то, что пусть и драконовскими методами, но столько лет ограждал меня от неприятностей и неприглядной стороны жизни.

– Не слышу! – требовательно рявкнул Диллон, не дождавшись от меня никакой реакции. Его глаза снова превратились в раскаленные почти добела лазерные лучи, которые прожигали во мне дырки.

По спине пробежала дрожь. Боги Вселенной! Да я оказалась во власти какого-то психа! Облизав пересохшие, какие-то спекшиеся губы, я с трудом выдавила из себя:

– Уяснила...

Диллон, выбив из меня нужный ему ответ, почти мгновенно успокоился:

– Давно бы так, – проворчал, отворачиваясь от меня и направляясь ко второй койке. Тебе лучше не злить меня больше, чем я уже зол. Иначе, поверь, последствия тебе не понравятся!

Наблюдая за тем, как он расслабленно вытягивается на убогом ложе, ловко подбив поудобнее тощую подушку в изголовье, я подумала, что мне уже не нравится то, что со мной происходит. Сверхъестественная скорость, с которой Диллон переходил от спокойного состояния к крайнему бешенству, ужасала. Моя прежняя спокойная и сытая жизнь в созданном отце ограниченном, но уютном мирке никак не могла подготовить меня к происходящему.

– Если нужен санузел, – вдруг снова заговорил Диллон, по-хозяйски расстегивая и потроша мою сумочку, – это там! – Он не глядя ткнул пальцем в дверь, из-за которой недавно вышел. – Там же можно и воды напиться, если мучает жажда. Она мерзкая на вкус, но чистая и безопасная, не бойсь. А вот с едой придется пока обождать. Можешь вообразить, – он гадко ухмыльнулся, – что сидишь на предсвадебной диете. Чтобы лучше угодить будущему мужу.

Диллон не смотрел в мою сторону, перебирая и рассматривая содержимое моей сумочки. Наверное, именно то, что я не видела, не ощущала на себе жуткого взгляда его серых

глаз, и придало мне смелости. Я наконец-то нашла в себе силы подняться и сесть на кровати, ладонями разгладила уже изрядно измятый подол синей юбки, находя некоторое успокоение в простых и обыденных вещах. Посмотрела на лежащего на кровати молодого мужчину и решила осторожно спросить:

– Кто ты? И зачем я тебе?

Диллон в этот момент ковырялся в моем коммуникаторе, и мне пришлось проглотить сердитое замечание по поводу того, что брать чужие вещи без спросу неприлично. Закончив свои манипуляции с моим устройством, он удовлетворенно хмыкнул:

– Вот так. Кто я? – он мельком взглянул в мою сторону и снова вернулся к своему занятию. – Неужели не знаешь? Странно. А ведь твой папаша одно время отчаянно добивался твоего брака со мной! Типа, слияние бизнеса и династический брак, и прочая белиберда...

Если бы этот Диллон сейчас сказал, что у него в руках вместо моей расчески ежик, а мне нужно его проглотить, я бы и то не так удивилась:

– Брак с... тобой?.. Но... Я же уже десять лет обручена!

В мою сторону полетел новый презрительный хмык:

– И что? Как будто это кому-то когда-то мешало. Браки расторгаются! А здесь помолвка. Причем, как я понимаю, на словах. Да если бы мой родитель вдруг дал свое согласие, то ты бы готовилась к свадьбе со мной, а не с этим... – Диллон

явно в последний момент проглотил нелестный эпитет, которым собирался наградить моего жениха. Бедняга, чуть не поперхнулся, пытаясь соблюсти этикет! – В общем, – в меня вдруг полетела моя собственная сумочка, – я безумно рад, что мой отец не страдает таким патриархальными замашками, как твой. Мне не нужна жена в качестве мебели и красивого дополнения к интерьеру. А от тебя совершенно однозначно толку никакого. Пустышка.

Сумочка ударила меня в грудь и упала мне на колени. Потрясенная злыми, беспощадными откровениями мерзавца, расслаблено валявшегося на соседней койке, я даже не подумала поймать ее или как-то защититься. То ли от удара, то ли от слов Диллона, в глазах закипели горячие слезы:

– Я не бесполезная! – крикнула ему в лицо, позабыв про безопасность и про свое зависимое положение. – У меня хорошее образование!..

Чуть повернув голову, Диллон приоткрыл один серый глаз, блеснувший на меня расплавленной сталью:

– Да-а-а?... И что же ты умеешь? Выбирать тряпки, в которых будешь ожидать в спальне, когда муж и повелитель соизволит снизойти до тебя? Сидеть на диетах, чтобы супруг мог похвастаться безупречным телом своего приобретения перед приятелями? Дай-ка подумать... Нет! – с торжеством сообщил он мне. – Лучше всего ты умеешь транжирить мужнины деньги! Но с этим я прекрасно справлюсь и сам. А теперь заткнись, – он вульгарно зевнул, продемонстрировав

мне идеальные зубы, — я хочу подремать, мне нужно отдохнуть. Да и тебе не помешает. Ибо я не потерплю нытья, что ты устала. Вырублю, и дело с концом!

Серый глаз снова закрылся. Диллон размеренно и тихо дышал, будто мгновенно отрубился. А я все никак не могла привести в порядок мысли и подавить возмущение. Подумать только, этот грубиян, этот подлец, которого я впервые в жизни вижу, посмел обвинить меня в полной бесполезности и порадоваться, что ему не придется на мне жениться! Посмел сравнить меня с мебелью! Почти открытым текстом обозвал тупицей! Хотелось вскочить и отхлестать этого... Диллона сумочкой прямо по лицу! Да у меня просто ладони чесались это сделать! Мне с детства вдальбивали в голову правила поведения приличных леди, но сейчас моя совесть даже не мяукнула бы от такого вопиюще-вульгарного поступка, как драка! Да и вообще, он первый начал! Я не навязывалась ему!..

Мне понадобилось немало времени, чтобы успокоиться. И только тогда я смогла понять, что, несмотря на все сказанное в этой комнате, я так и не узнала: у кого в руках я нахожусь и с какой целью этот Диллон меня похитил...

Внутри меня сплелись в тесный клубок страх перед будущим, неуверенность, беспомощность и ощущение какой-то неправильности. Чем дольше я сидела и смотрела на лежащего Диллона, тем невыносимее мне было. Словно убогую постель подо мной кто-то по ошибке превратил в костер.

Или разогретую на огне сковородку. В итоге я не выдержала, вскочила, едва не уронив позабытую сумочку, и на цыпочках, стараясь не греметь каблуками, отправилась в санузел. Не то чтобы мне это требовалось, но хотелось хоть немного побыть наедине со своими мыслями, без раздражающего фактора, едва слышно посапывающего на соседней койке. А другого места для уединения здесь не было.

Комнатушка для гигиенических процедур была крохотной, как мой ноготок на мизинце. Закрыв потихоньку за собой дверь, я прислонилась к ней спиной и печально осмотрела такие же странные, будто бы металлические стены, допотопный душ в правом углу, состоящий из дырки в полу и длинного, гибкого шланга с душевой насадкой на конце, закрепленного в неказистый штыр под потолком. Достаточно высоко, я точно его не достану.

На расстоянии полушага от двери прямо напротив входа находился умывальник. Тоже допотопной, непривычной конструкции. И традиционно на стене над ним висело зеркало. Самый простой овальный кусок зеркальной глади, лишенный даже самой простецкой рамки, ехидно демонстрировал мне растрепанные волосы, бледное лицо, искусанные губы и ужас в округлившихся от переизбытка эмоций глазах. На левой щеке темнели какие-то подозрительные полосы. Будто следы чьих-то жестоких пальцев. Я невольно содрогнулась от мысли, что это может быть реальная метка руки Диллона, и бросилась к крану, чтобы хотя бы попытаться

умыться. Если смогу открыть воду.

С краном удалось разобраться довольно быстро. Но когда я подставила пальцы под струю холодной воды, в голову неожиданно пришла странная, но здравая на мой взгляд мысль: все вокруг ненастоящее. Нет, стены, пол, вода, мебель и сантехника были вполне себе материальны. Но почему большая часть того, к чему я прикасалась, была сделана из металла? Даже я, домашняя девочка, оранжерейный цветок, знала, что в наше время расходные материалы, особенно для мест общественного пользования, стараются удешевить. И при этом сохранить износостойкость. Чтобы извлечь из вложений максимальную выгоду. На последнем курсе лица я писала работу на подобную тему и перерыла тогда кучу информационных носителей, разбираясь в том, что и для чего больше подходит. Тогда преподаватель меня похвалил. И благодаря проделанной тогда работе я знала, что для отеля, особенно если это не престижная гостиница в центре, логичнее использовать высокоустойчивые к износу полимеры и металлопласт. Материалы, не особо берегающие экологию и в какой-то степени даже вредные для живых организмов, но дешевые и прочные. Даже при высоком потоке постояльцев могущие прослужить не один десяток лет. А вот металл давным-давно стал слишком дорог в производстве, чтобы вот так, бездумно, лепить его в качестве стен и потолка, делать из него мебель. Окружающая меня обстановка подозрительно напоминала виденную по галавидению тюрьму.

Так куда же притащил меня этот чокнутый Диллон? И, главное, зачем?

Смыв со щеки полосы, к моему огромному облегчению оказавшиеся всего лишь грязью, я бросила на себя последний взгляд в зеркало и отвернулась. Последним неисследованным мною предметом в комнатухе оказался стульчак унитаза. И сейчас я с интересом осматривала его на предмет прочности крышки: другой поверхности, пригодной для сидения, здесь не было. А мне хотелось спокойно подумать. Мне не давал покоя вопрос *зачем?*

Диллон этот вопрос стойко игнорировал. А мне казалось куда логичнее, если уж Чад вырвал у этого подозрительного типа обещание сберечь мне жизнь, просто доставить меня домой и сдать отцу с рук на руки. Но нет же. Меня почему-то увезли в какую-то дыру. Вывод напрашивался сам собой и мне категорически не нравился. Особенно если вспомнить все двусмысленности и подозрительные намеки этого странного типа, дрыхнувшего сейчас в соседнем помещении будто, младенец. Будто совесть у него кристально чиста. Я поморщилась.

Теперь мне уже казалось подозрительным все. Даже эта странная, какая-то дурацкая, словно поставленная по плохому сценарию встреча в дендропарке. Диллон явно был умнее, чем старался казаться. Когда он забывался, то его речь была гладкой, отточенной, лишенной разговорного мусора. Так говорят только те, кто получил очень хорошее и разно-

стороннее воспитание. Я достаточно насмотрелась на знакомых и деловых партнеров отца, чтобы понимать, о чем говорю. Точно так же и поведение моего похитителя: он словно примерил на себя чужую роль из совершенно неподходящего амплуа. Будто бы натянул чужие одежды, слишком маленькие ему по размеру, и постоянно из них выпадал. Словно шило высывалось из мешка. Как известно, этот древний инструмент невозможно спрятать в тканевой упаковке, слишком острый. Непременно проткнет дырку и высунет свой любопытный кончик наружу.

Складывая воедино все эти соображения, я приходила к неутешительному выводу, что этот Диллон не так прост и, скорее всего, ведет какую-то свою игру. А я ему нужна, чтобы надавить на отца, что-то требовать для себя... Хотя... Вспоминая повадки и одежду Диллона, я все же склонялась к тому, что он не врал по поводу своей обеспеченности и кредиты ему не нужны. Но что-то же тогда нужно?..

Прерывая мои нерадостные мысли, вдруг с отвратительным грохотом и металлическим лязгом распахнулась входная дверь. Хотя я точно помнила, что, войдя, запирала ее на запор.

– Ты что здесь делаешь?

На пороге нарисовался злой, заспанный и взъерошенный Диллон. И фиг сотрешь ведь, мелькнула дурацкая мысль.

– В унитазе собираюсь с горя утопиться, – недовольно покосившись на него и не подумав, огрызнулась я. Он снова

меня перепугал до икоты.

Худощавое лицо молодого мужчины перекосило. То ли от ярости, то ли от отвращения. Неуловимо-презрительным жестом он скрестил на груди руки:

– Ну, давай!

Серые глаза снова начали набирать температуру, раскаляясь добела, готовясь прожигать во мне дырки. Я его явно не просто раздражала, а бесила до невозможности. Но почему-то Диллон продолжал терпеть раздражитель в моем лице. Бесился, ярился, усилием воли брал себя в руки, и снова срывался. Что же его толкало так издеваться над собой?

– Что – давай? – недоуменно переспросила, глупо хлопнув ресницами, чем окончательно взбесила своего похитителя.

Показалось, что еще мгновение, и Диллон просто взорвется, настолько он побагровел и будто бы увеличился в объеме. Я невольно поежилась под его яростным взглядом, ругая себя за то, что снова довела его до белого каления.

– Топись! – Диллон выразительно указал глазами на то место, на котором я сидела. – Начинай!

Я просто ушам своим не поверила, когда услышала. Даже невольно беспомощно оглянулась по сторонам. Он вообще нормальный?! Что ему от меня нужно?! Ну да, я виновата, погорячилась, забыла, с кем разговариваю и огрызнулась. Но это же не повод смотреть на меня так, будто сам сейчас удавит меня голыми руками!

Диллон сорвался с места внезапно. Будто лазерный заряд

из пистолета. Я даже осознать, что происходит, не успела, а он уже больно вцепился сначала мне в запястье, сдерживая с насиженного места, а потом, когда он на немыслимой скорости свободной рукой откинул крышку унитаза, жесткие пальцы оставили мою руку и вцепились в затылок. Мгновение, и уже перед самым моим носом колышется красноватое марево утилизирующего излучения. Унитаз в отличие от душа и умывальника оказался современным, волновым.

Мне понадобилось целых пять секунд, чтобы осознать, что этот мерзавец, непонятно за что меня возненавидевший с первого взгляда, едва не сунул меня головой в отхожее место. Едва не убил, ведь излучение утилизатора для всего живого смертельно...

И тогда я заорала...

Мной овладел какой-то темный, первобытный, абсолютно не рассуждающий ужас. Сердце, казалось, колотилось где-то в горле, мешая дышать. Воздуха категорически не хватало. От собственного крика заложило уши. А перед глазами плясало и жадно изгибалось алое марево. Утилизатору без разницы, что в него суют, главное, что это нечто материально, а вот имеет оно разум, или нет, все равно. Излучатель все расщепит на атомы. Даже тело человека. Разница только в мощности: в слабом излучателе должны оставаться следы. Должны, но это не точно.

Шок от выходки этого мерзавца для меня затмил все. Отключил способность думать и рассуждать. Остался лишь

первобытный инстинкт, толкающий любое разумное существо, оказавшееся на краю гибели, сделать все, но избавиться от опасности. Выжить любой ценой...

...Опомнилась я на все той же койке, с которой совсем недавно (или целую вечность назад) убегала в санузел, чтобы побыть одной. Под щекой все та же тощая подушка, под боком серое нечто, выполняющее роль одеяла. Тело ныло, растрепанные волосы закрывали обзор. Я раздраженно смахнула с лица их свободной рукой и невольно скривилась, и зашипела: пальцы тоже болели. Будто я стерла или обожгла их кончики. Да и на лице, наверное, была какая-то рана, которую я так неосмотрительно задела.

– Очухалась? – Такой знакомый и такой злой голос заставил вздрогнуть всем телом. Дежавю. Жаль, что все это мне не приснилось. – Дикая кошка! И кто только занимался твоим воспитанием? – В голосе Диллона звучала... досада?

Я настолько удивилась этому обстоятельству, что бездумно одним движением поднялась, села на кровати и свесила на пол ноги. И сразу же едва не вскрикнула от боли: бока и ребра почти взвыли от боли, заставляя затаить дыхание, чтобы уменьшить болезненные ощущения. Но это не помешало мне сердито огрызнуться:

– К счастью, не ты, – буркнула, отыскивая взглядом причину всех моих бед. И застыла.

Диллон сидел на койке прямо напротив меня. Взъерошен-

ный. Будто его стая ворон атаковала. Волосы нелепо торчат в разные стороны. А лицо и верхнюю часть обнаженного торса густо покрывали уже подсохшие кровавые царапины...

Я ощупала потрясенным взглядом отметины, изучила их длину и глубину. Под моим взглядом смугловатая кожа Диллона покрылась пупырышками. Будто от холода. А мышцы слегка напряглись, подчеркивая красивую линию явно знакомых с физическими нагрузками мускулов. Однажды, когда мне было четырнадцать лет, мой жених лин Монтриалли решил сменить рубашку, когда я находилась с ним в одной комнате. Его оплывшее, будто расплавленный воск, тело с обвисшей, почти женской грудью тогда настолько меня потрясло, что я еще очень долго потом пряталась от жениха по углам и в ужасе просыпалась ночами, когда лин Монтриалли приходил ко мне в снах без рубашки. Постепенно воспоминание сгладилось, если не стерлось. И вот я снова вспомнила рыхлые тела жениха, разглядывая почти идеальный торс какого-то... подонка.

– Любуешься делом своих рук?

Я вздрогнула и резко отвела глаза в сторону, впившись взглядом в какую-то зазубрину на полу. Стало неловко. От того, что Диллон поймал меня за таким неприличным занятием, как разглядывание его тела в упор, и от неожиданности. А потом до меня дошло, и я ахнула:

– Как своих?..

От потрясения я позабыла про неловкость и снова устави-

лась в лицо Диллону. Тот ответил мне кривоватой ухмылкой:

– Что, не помнишь? – Я отчаянно замотала головой. – Ну и хорошо, – хмыкнул он как-то неопределенно. – Забудь все вообще. Но на будущее: не стоит злить того, кто заведомо сильнее. А если все же решилась, то будь готова к последствиям. Ребра болят? – без всякого перехода, с гаденькой ухмылкой поинтересовался этот мерзавец.

Нахмурившись, я неуверенно кивнула в ответ. Нет, ребра болели, даже дышать было больновато. Но боль не мешала мне думать, и я никак не могла понять, что происходит, что этому странному типу о меня нужно. Отсюда и неуверенность.

Диллон снова одарил меня кривой, зловещей ухмылкой:

– Вот и ладно! – Я нахмурилась еще сильнее. Ну он и хам! – Это поубавит тебе резвости, а переломов там точно нет, я не настолько сильно тебя сжимал. Синяки же заживут еще до того, как я верну тебя папаше. И вообще, скажи спасибо, что я тебя смог удержать, не уронил головой в излучатель!

– Если бы ты не намеревался изначально макнуть меня туда головой, то ничего бы этого не было бы, – тихо возразила, усилием воли подавляя рвущееся из груди возмущение, искоса наблюдая за реакцией парня и судорожно соображая, что же делать дальше. Остаться и далее во власти этого ненормального не хотелось. Но...

Диллон длинно и тяжело вздохнул:

– Извини, виноват. Сорвался. – У меня от изумления брови поползли вверх. Диллон передо мной извиняется??? А я точно не сплю? – Знаю, что поступил ужасно, но я и так был на взводе, а ты меня бесила еще больше, вот я и... – Он еще раз вздохнул, взъерошил себе и без того растрепанные волосы, разом став похожим на странного инопланетника с торчащими во все стороны антеннами вместо волос, задел рукой ранку у виска и поморщился, отдернув руку и посмотрев на испачканные кровью пальцы.

– Если есть чем, я могу промыть царапины и обработать, – вдруг вырвалось у меня, и я испуганно прикусила губу. Как-то я не планировала ухаживать за своим похитителем, но слово не воробей – вылетело, не поймаешь.

Диллон изумленно воззрился на меня. Будто у меня вдруг резко выросла вторая голова. Или заговорила молчавшая до этого домашняя зверушка.

– Ты-ы-ы?... – как-то оскорбительно, пренебрежительно начал он. И вдруг резко оборвал сам себя. Окинул меня взглядом и спросил: – А сможешь? В обморок не грохнешься?

Захотелось съязвить, мол, не попробуешь – не узнаешь. Но стоило только открыть рот, как за меня будто кто-то чужой ответил:

– Не должна. Сейчас же не падаю.

Наградив меня еще одним недоверчивым взглядом, Диллон поднялся и направился в санузел, кивком позвав за со-

бой.

В санузел я входила очень осторожно. Словно от любого неловкого шага пол подо мной мог провалиться, уронив меня куда-то, где еще хуже условия, чем здесь. В сторону унитаза смотреть вообще не хотелось. Но Диллон, что-то нажав сбоку от зеркала и открыв его как шкафчик, выудил оттуда довольно объемную аптечку с межгалактическим опознавательным знаком в виде красного креста на белом фоне и уселся именно на крышку унитаза, сунув аптечку мне в руки:

– Ну давай, сестра милосердия! Посмотрим, каким красавчиком я буду после твоих нежных ручек!

Он насмеялся надо мной. А я смотрела в серые глаза и отчаянно кусала губы, чтобы промолчать, не ляпнуть снова что-то не то, что-то, от чего этот странный тип снова впадет в состояние бешенства. Но проиграла битву с собой и собственным любопытством:

– Ты землянин? – как-то помимо воли вырвалось у меня.

Глава 3

Учитывая всю предыдущую вспыльчивость Диллона и его неадекватные реакции на мои поступки, я съежилась, глядя в серые глаза в ожидании взрыва. Его глаза были настолько близко, что я могла рассмотреть каждый блик в них, каждую черточку в радужке, светлый, почти белый кантик вокруг суженого зрачка и темную траурную кайму по внешнему краю радужки. Взгляд Диллона зачаровывал. И пробирал до костей. Я не могла оторваться от него, нервно стискивая в руках аптечку. В ней даже что-то жалобно хрустнуло. Этот печальный звук и привел нас обоих в чувство.

– Ну что застыла? – Новая кривая ухмылка, и парень кивнул мне на аптечку. – Или уже передумала? Переоценила свои силы? Ну да, это же не тыкать пальчиком дроидам, куда поставить цветы. И не...

– Замолчи! – сердито перебила его издевательскую речь. Опять он надо мной насмехается! – Ты ничего обо мне не знаешь! Так что лучше помолчи!

Положить кейс с набором для оказания первой медицинской помощи в крошечном санузле было негде. Умывальник с водой мне мог понадобиться. На унитазе сидел сам пострадавший. Никаких полочек и столиков не наблюдалось. Да и места для них здесь попросту не было. Не на пол же в самом деле класть медикаменты! И негигиенично, и не хоте-

лось доставлять этому психу удовольствие, склоняясь перед ним, как перед королем. Обойдется! Так что я сердито пихнула аптечку слегка опешившими Диллону в руки и решительно ее раскрыла:

– Держи! Больше пользы будет!

Удивительно, но Диллон молча проглотил мою выходку. А я склонилась над раскрытым кейсом, перебирая его содержимое, и стараясь не смотреть в сторону своего пациента, лицо которого находилось слишком близко ко мне. Чересчур близко для того, чтобы я чувствовала себя в безопасности. Злость туманила голову и толкала на необдуманные поступки. Злость не только на Диллона, но и на всю ситуацию в целом. И на собственную беспомощность. Лучше бы отец научил меня приемам самозащиты, чем нанимал мне телохранителя!

Я на мгновение застыла, пораженная пришедшей в голову мыслью. Сколько я себя помню, разнообразные преподаватели с самого раннего детства старательно вбивали мне в голову правила и нормы поведения. И до этого странного похищения я даже мысли не допускала, что благородная лина вроде меня сможет сама защищаться с помощью кулаков или оружия, принимала как данность, наличие телохранителя и то, что он в случае чего закроет меня собой. Неужели я настолько изменилась за короткий срок похищения?

Чувствуя на себе пристальный взгляд серых глаз и понимая, что вот-вот последуют новые насмешки, я с досадой

мотнула головой, отгоняя неуместные мысли, схватила упаковку медицинских спонжей и тубик с заживляющим гелем. О происходящих со мной изменениях я смогу подумать потом. Сейчас есть более важные дела.

Выудив из вскрытой упаковки первый спонж, я смочила его водой из-под крана и принялась протирать Диллону его «боевые» ранения. Совесть угрюмо шептала мне, что я подлизываюсь к врагу. Разум педантично возражал, что с похитителем стоит наладить отношения, чтобы попытаться сбежать. Так делали жертвы во всех виденных мною галапостановках.

– Надо же, – вдруг задумчиво протянул позабытый мной Диллон, отвлекая меня от споров с самой собой, – и в обморок не падаешь, и действуешь почти как настоящий медик. На ком натренировалась? На папочке или на женихе?

Представив укрытое царапинами рыхлое тело лина Монтриалли и меня со спонжем над ним, я ощутила волну дурноты и выронила из ослабевших пальцев спонж. Тот с влажным звуком шлепнулся на пол. Диллон ехидно хмыкнул, наблюдая, как я наклоняюсь, чтобы его подобрать и бросить в умывальник:

– Ну наконец-то нормальная реакция! А то я уже было подумал, что ошибся в своих суждениях, и ты святая.

Опять издевается! Сердито покосившись на своего похитителя, я выудила новый спонж из упаковки. Жаль, что каким бы гадом Диллон не был, я не смогу сделать вид, что

ничего не случилось, и продолжать обрабатывать царапины тем, который побывал на полу, тем самым обеспечивая своему похитителю как минимум воспаление.

Ехидство Диллона имело один положительный момент: про жениха я забыла мгновенно. Злость прочистила мозги, помогла взять себя в руки. И я сумела совершенно спокойно промыть царапины и на его выставочно-красивом торсе. А взявшись за тубик с гелем, вспомнила и о вырвавшемся у меня вопросе, и о том, что Диллон его проигнорировал, как и все остальные мои вопросы. Станный тип.

– Что опять? У меня третий глаз вырос?

Вопрос Диллона вдруг теплым ветерком коснулся моего лица. Вздвогнув, я, к своему стыду, обнаружила, что застыла, склонившись над его лицом с тубиком заживляющего геля в руке и пристально вглядываясь в серые, начавшие темнеть глаза. Диллон понимающе усмехнулся. Стыд мгновенно плеснул горячей краской мне в лицо. Да что со мной такое? Уставилась на него, как на икону, обладанием которой безмерно гордится лин Монтриалли, потому что она очень и очень старинная, вывезенная с самой Земли и передается в его роду от поколения к поколению уже не один век.

Избегая взгляда серых глаз, я принялась торопливо смазывать гелем царапины. Неловкость за свое дурацкое поведение душила. Щеки горели огнем. Кажется, от пережитого я повредила умом! Иначе как объяснить то, что я постоянно тарашусь на этого психа? Словно... Словно пытаюсь

выучить его наизусть, проникнуть под кожу, узнать, чем он живет и дышит.

Неожиданно от этой мысли мне стало легче дышать. Да, точно! Вот и объяснение моему странному поведению! Я просто хочу попытаться втереться в доверие к Диллону, а потом сбежать от него! Вот и все!

Найдя логичное объяснение странностям, я облегченно вздохнула и с легким сердцем закончила оказывать медицинскую помощь тому, кто меня едва не угробил.

Диллон молчал. И пока замазывала ему гелем царапины, и пока закрывала тюбик с ним колпачком, и пока убирала гель и оставшиеся неиспользованными спонжи обратно в аптечку. Когда я закрыла кейс у него на руках, он молча поднялся, давая мне возможность закинуть ненужное в утилизатор. Потом так же молча положил аптечку в шкафчик за зеркалом. И только когда я, ополоснув руки под краном, направилась на выход из санузла, за спиной раздался его тихий и невыразительный голос:

– По крови я тенриец, но родился здесь, на Кахелии. Так же, как и мой отец. Землянкой была мать Чада. А я в детстве много проводил времени с ней. Ольга была для меня кем-то вроде няни.

Запнувшись на пороге, я изумленно оглянулась через плечо. Какая совершенно неожиданная откровенность! Хотя теперь хоть немного понятны перепады в его настроении: тенрийцы, особенно молодые, славятся своим темпераментом и

непримиримостью к врагам.

Диллон, остро следивший за каждым моим движением, неожиданно горько усмехнулся:

– Удивлена?

Я кивнула. Потом, чуть подумав, пояснила:

– Никак не могла понять, почему ты на меня так зол, ведь мы не просто не знакомы, но и никогда ранее не виделись...

– Ошибаешься, – ехидно перебил меня он. – Мы не только встречались. Нас даже познакомили! Но бесишь ты меня не поэтому. В моей жизни полно пустоголовых дурочек, претендующих на звание моей супруги и на мое состояние. Злиться на них всех никакой нервной системы не хватит. Ты вызываешь мой гнев другим: – на вид такая кроткая овечка, беспомощный цыпленок, шейку которого я мог бы свернуть двумя пальцами, и такая прожженная интриганка! – В словах Диллона снова начало просачиваться ожесточение. Я открыла рот возмутиться, какая я ему интриганка? Но меня ядовито перебили: – Молчи! Если бы не интриговала, то не оказалась бы с Чадом в дендропарке! – Я густо покраснела, ощущая свою вину. – И брат не пострадал бы, пытаюсь защитить твою никчемную жизнь!

Брат?!

Некоторое время мы просто стояли и смотрели друг на друга. Я, как самая последняя дурочка, приоткрыла от шока рот, таращась в серые, как грозовое небо глаза Диллона, пытаюсь осмыслить услышанное. Потрясло не то, что меня в

очередной раз назвали пустышкой. И не то, что считают интриганкой. Больше всего меня шокировало то, что Диллон назвал моего телохранителя братом. Это же он образно, верно? Потому что подобное просто не может быть правдой! Он же сам сказал, что по крови тенриец! А тенрийцы все поголовно снобы! Кичатся чистотой крови и родственными связями, семьи создают только между собой. А с другими расами могут разве что короткую, ничего незначащую интрижку затеять. И уж точно не допустят рождения полукровок. А ведь Диллон, кроме прочего, сказал, что мать Чада – землянка...

Первым не выдержал наших гляделок именно Диллон. Нахмурился, сжал губы в тонкую, едва различимую линию. Таковую острую, как лазерный луч. И поспешно покинул санузел, задев на выходе меня плечом так, что я отлетела к стене. Впрочем, удар был несильный, его силы как раз хватило, чтобы привести меня в чувство, но оказалось недостаточно, чтобы причинить боль. Опомнившись, я уставилась в спину парня, уже натянувшего темный тонкий свитер с высоким горлом, а сейчас поспешно и неаккуратно стягивавшем растрепанные волосы в хвост на затылке.

– Я сейчас выйду, – глухо и нервно сообщил мне Диллон, не оборачиваясь в мою сторону, – а ты сиди тихо, поняла? Чтоб ни звука мне! Не то пожалеешь, что на свет родилась!

Наблюдая за его рваными, судорожными движениями, я неожиданно даже для себя невпопад спросила:

– Зачем ты меня сюда притащил? Почему не вернул домой сразу? Тебе бы в первую очередь было бы проще. В чем смысл происходящего? Отправь домой, и не придется больше нянчиться со мной...

Диллон замер на месте с поднятыми руками, еще не закончив завязывать хвост, и все так же не поворачиваясь ко мне лицом. Почему-то показалось, что он колеблется: ответить или снова проигнорировать этот вопрос? Очевидно, что-то все-таки было, что заставляло парня избегать разговора на эту тему. Что-то неприятное или раздражающее для него лично. Тенрийцы не особо терпимо относились к тем, кто пытался вторгнуться в их личное пространство без разрешения. А тут я со своей раздражающей настойчивостью. Но я кожей чувствовала: просто так никто бы не стал возиться с незнакомой девицей, к тому же действующей на нервы.

– Не пришлось бы нянчиться, говоришь, – медленно протянул Диллон, затягивая в последний раз резинку на волосах и проверяя, насколько надежно она стягивает хвост. – Твоя правда. Не пришлось бы. – Он повернулся ко мне лицом и цепко впился взглядом: – Вот только твой папаша ввязался в очень опасную игру с целью отобрать у моей семьи сферы влияния. И все бы ничего, нас не так просто подвинуть. А даже если бы и получилось, то твой отец, даже с помощью этой жирной жабы Монтриалли, мнящей себя великим экспертом, все равно очень быстро бы сдулся. У него не хватило бы ни капитала, ни ресурсов, чтобы соревноваться с на-

шей империей. Но вот беда, – глаза Диллона снова превратились в два смертоносных лазерных луча и сейчас сверлили во мне дырки, я поежилась под этим неприятным взглядом, – твой... неумный папаша обратился за помощью к тем, кого на арену честного бизнеса вообще выпускать не следует. Кто опаснее диких зверей. Разнюхав, что и к чему, эти... существа решили избавиться от твоего папаша и твоего женишка, и самим попытаться отжать у нас бизнес и территории. Понимаешь? – Я ничего не понимала. Но кивнула утвердительно. Пусть договаривает, я потом все обдумаю. – Ну вот, – удовлетворившись моим кивком, продолжил Диллон, – если помнишь, что тебе крикнул исполнитель в дендропарке, то поймешь: зачистка лишних игроков уже началась. Эти твари, которым твой отец так необдуманно дал карты в руки, не перед чем не остановятся, раз почуяв запах наживы. А Чад, которого мы внедрили в твой дом, воспользовавшись его десантным прошлым, успел к тебе привязаться, и вырвал у меня обещание, что я сберегу тебе жизнь. Поэтому пришлось тащить тебя сюда и, как ты изящно изволила выразиться, нянчиться. – Диллон вдруг неожиданно сжал переносицу двумя пальцами и поморщился: – Я не спал двое суток, закидываясь энергетиками и пытаюсь разобраться в интригах твоего папаша. И теперь еще и вынужден возиться с бесполезной истеричной девицей. Так что окажи услугу себе и мне: веди себя тихо, и с твоей шкурки не упадет ни один волос. Поняла?

Истерики я этому хмырю точно не катала, но заострять на этом моменте внимание не стала. Вместо положительного ответа на поставленный вопрос я тихо спросила:

– Но ведь тот коробок, что ты положил Чаду на грудь... Он... – Выговорить «взрывчатка» я не смогла. Как и обвинить Диллона в попытке убийства телохранителя. Просто язык не повернулся.

Диллон вздохнул:

– Это был маяк для нашей службы безопасности. Парни должны были быть поблизости, но не попадаться на глаза. По идее, сразу после нашего с тобой ухода, они должны были забрать Чада и доставить его к медикам...

– А почему мы не могли дожждаться этих твоих парней там, возле Чада? И убедиться лично, что с ним все в порядке?

– И второй попытки покушения на убийство дожждаться заодно? – Диллон скривился. – Чад вырвал у меня слово, что я тебя спасу. А своим словом я дорожу и привык его держать. Отбиваться же от боевиков подпольного синдиката у меня было нечем. А даже если бы и было, то количество жертв возросло бы в разы и неминуемо привело бы к скандалу. Все, не морочь мне больше голову, подробности тебе без надобности. Сиди тихо, и я принесу поесть. И новости о брате, раз тебе интересно.

Не дожидаясь моей реакции на его слова, Диллон тремя широкими шагами пересек небольшое пространство и открыл незамеченную мною ранее, хорошо замаскированную

дверь, за которой мелькнуло темное, плохо освещенное пространство. Дождавшись, пока за парнем закроется дверь, я поплелась на кровать. Больше здесь заниматься было нечем. В голове был такой сумбур, что я даже не пыталась разобраться в своих мыслях и чувствах. Отец – преступник? Или мошенник? И попросил помощи у преступников? Но... Почему? Ведь мы всегда, сколько я себя помню, жили на широкую ногу. Деньги у нас точно были. Неужели это жадность, а я совершенно не знаю собственного родителя?

Устроившись на краю кровати, на боку, и свернувшись в позу зародыша, я попыталась вспомнить, когда и при каких условиях меня познакомили с Диллоном. И как так получилось, что я совершенно не запомнила его? У меня была довольно хорошая память на лица и имена, я специально ее тренировала. Это началось еще тогда, когда у меня была еще жива надежда стать помощницей своему отцу в бизнесе, но я не забросила тренировки, даже когда поняла, что дальше кухни и дома отец, а потом и будущий муж меня не допустят. И вот теперь какой-то подозрительный тип говорит, что нас познакомили, и мой отец даже имел виды на него, как на моего будущего мужа, а я совершенно не помню его? Странно. Впрочем, как и вся эта история.

Отчаявшись откопать в недрах памяти знакомство с Диллоном, я попыталась вспомнить конкурентов отца. Здесь уже было сложнее. Так как в детстве я подобными вопросами не интересовалась, да и интересы отца было довольно разносто-

ронними. В отличие от моего жениха. А сейчас при мне вообще деловые разговоры не велись, так как отец считал, что женщинам вопросы бизнеса доверять нельзя.

Внезапно и с грохотом распахнувшаяся входная дверь заставила меня подпрыгнуть на месте, едва не свалившись на пол. Схватившись за сердце и сев на кровати, я испуганно уставилась на ворвавшегося в комнату Диллона. Тот с каменным лицом через всю комнату швырнул мне какой-то серый сверток и ледяным тоном отчеканил:

– Одевай! Немедленно! И бейсболку тоже! А потом поверх капюшон! Мы немедленно отсюда уходим! – И зловеще прищурившись прошипел: – Только попробуй выкинуть какой-то финт, и я тебя вырублю! Поняла?

Швырялся предметами Диллон метко. Сверток, как и моя сумочка, попал мне четко в центр груди, на пару секунд выбив из меня весь дух. Но под сверкающим от ярости серым взглядом я не рискнула жаловаться или возмущаться. Развернула сверток и выудила из него штаны, футболку, толстовку, бейсболку и нечто настолько растоптанное, что уже потеряло не только цвет, но и форму, и назвать это нечто кроссовками язык не поворачивался. А еще от тряпок и обуви шел стойкий и неприятный душок. Где бы Диллон это ни добыл, чистой одежда не была...

– Ты что, на помойке это взял? – вырвалось у меня прежде, чем я подумала, а стоит ли вообще открывать рот.

Диллон мгновенно рассвирепел:

– Послушай, принцесса, если тебя что-то не устраивает, и ты желаешь сдохнуть ради того, чтобы твоего неумного папашу наконец смогли заставить отдать все, что у него есть, то так и скажи! Я не стану тратить свое время, силы и здоровье, чтобы вытащить тебя из этой заварушки! – У меня непроизвольно вытянулось лицо от услышанного, а этот... экземпляр фыркнул: – Прониклась? Тогда шевелись! Боевики синдиката в двух кварталах отсюда и методично все прочесывают. Желательно, чтобы и духу нашего здесь не было, когда они сюда доберутся, будет свинством подставить приютивших нас людей под криминальные разборки!

Все происходящее казалось дурным сном. Кошмаром. Вот сейчас я проснусь, открою глаза и увижу, что лежу в собственной постели, в своей комнате, а на первом этаже отец отдает домашним дроидам распоряжения. Вот только проснуться почему-то не получалось, а кошмар все тянулся и тянулся.

Превозмогая отвращение, разложила отвратительное тряпье на кровати, встала и потянулась к застежкам блузки на груди. Но, опомнившись, сухо скомандовала:

– Отвернись, извращенец!

Губы Диллона немедленно скривились в отвратительной, издевательской ухмылке:

– Мне неинтересны пустоголовые дурочки с гладильной доской вместо фигуры! А ты не трати время! Иначе уйду без тебя!

«Гладильная доска» была обиднее всего, ибо фигура у меня была шикарная, я это точно знала. Аккуратная грудь третьего общегалактического размера, тонкая талия и плавные изгибы бедер заставляли моего жениха, лина Монтриалли, в последнее время раздевать меня глазами всякий раз, как мы оказывались в одном помещении. Однажды я даже случайно услышала, как отец сделал ему замечание, что, мол, лин Монтриалли мог бы хотя бы при нем не... заниматься со мной сексом в своих мечтах. Отец тогда выразился гораздо жестче. Так, что у меня, стоящей за дверью, вспыхнуло не только лицо и уши, но и все тело загорелось от стыда.

Сердито рванув застежку, я ядовито процедила, глядя прямо в серые, лихорадочно блестящие глаза:

– Что ж ты тогда отвести от меня взгляд не можешь, раз гладильные доски тебе неинтересны?

Едкий выпад подействовал. Одновременно с тем, как с моих плеч упала блузка от костюма, Диллон повернулся ко мне спиной.

Стараясь не задумываться над тем, кто носил до меня эти вонючие тряпки, я избавилась от юбки и вошла в не по размеру огромные штаны, к счастью, снабженные веревкой в качестве пояса. Иначе при малейшем движении для меня существовала реальная угроза потерять их даже в застегнутом виде. Нырнула в пропахшую чужим потом футболку с длинными, обтрепанными на обшлагах рукавами, кое-как затолкала волосы под бейсболку и, наконец, надела и застегнула

на себе худит.

– Я готова, – сдержанно проинформировала, стараясь не дышать теми миазмами, которые источала «новая» одежда. – Сейчас возьму сумочку...

Я направилась к «столу», стоящему в стороне от кроватей, но в спину вдруг прилетел сухой приказ:

– Сумочку, как и твои тряпки, выбрасываем в утилизатор. Я не проверял ее на наличие маячков и прочей следящей дряни, а потому рисковать не намерен! И там все равно нет ничего важного!

Меня будто пригвоздили к месту. Будто ударили по голове и полностью дезориентировали. Да что здесь происходит?! Какие, к граху, маячки? Я что, промышленный шпион? Мата Хари, или как ее там правильно звали? Зачем в мою сумочку совать какую-то там следящую дрянью, как Диллон изволил выразиться? Особенно, с учетом того, что сумочек у меня было около двух десятков, и я сама никогда заранее не знала, с какой из них выйду из дому!

Решение принялось мгновенно. Одним прыжком покрыв оставшееся расстояние, я схватила сумочку, бросилась назад к кровати, вытряхнула из нее все содержимое на постель, швырнула саму сумочку вверх лежащего кучей измятого синего костюма, а начинку принялась рассовывать по карманам.

– Доволен? – едко поинтересовалась у безразлично наблюдавшего за мной типа.

Вместо ответа, Диллон сухо распорядился:

– Капюшон надевай, и за мной!

Судя по тому, что он никак не прокомментировал мой бунт, запрет распространялся только на сумочку. А значит, Диллон всерьез считает, что в ней могут быть какие-то следилки. Натягивая на голову поверх бейсболки засаленный капюшон худи, я испытала настоящий шок. Уже в который раз.

– Засунь руки в карманы, ссутулься и опусти плечи, – последовал новый приказ, как только мы покинули комнату. – Идешь рядом со мной, но голову вверх не поднимаешь! Смотришь себе под ноги! Сверкнешь хоть раз мордашкой, брошу там, где это произойдет!

Я уже вообще перестала реагировать на угрозы со стороны Диллона. Во-первых, их было много, и эффект уже притупился. А во-вторых, парень сейчас говорил сухо и деловито, то и дело зорко оглядываясь по сторонам. Если это не игра, значит, угроза для нас и в самом деле существует нешуточная. И если раньше я склонялась к тому, что все это дурацкий розыгрыш, какая-то низкопробная шутка с неясной для меня целью, то теперь все больше и больше верила этому странному нервному парню, по какому-то дурацкому стечению обстоятельств заменившему собой степенного Чада.

Гулкий и очень плохо освещенный коридор с рядом закрытых дверей, как две капли воды похожих на ту, которая минуту назад закрылась за нашими спинами, закончился по-

чти внезапно. В полутьме резко вырисовался поворот направо, и как только мы повернули, перед самым моим носом распахнулась входная дверь, выпуская нас в сгущающиеся сумерки. Я даже споткнулась: это уже столько прошло времени?! Мы с Чадом покидали дом еще до полудня, а сейчас уже вечер. Значит, отец уже или пришел домой из офиса, или вот-вот придет. Обнаружит мою пропажу и...

— За мной! — глухим и хриплым, до неузнаваемости изменившимся голосом скомандовал мне Диллон, сбивая с полета мысли. — И под ноги смотри! Расквасишь нос, заляпаешь кровью тряпки и привлечешь тем самым к нам внимание законников! А я в тюрьгу из-за тебя, дурака, не хочу! Понял?

Откуда-то сбоку в ответ на эту тираду раздался хриплый и мерзкий смешок. Мне стало страшно. За нами наблюдают? Это случайность и можно не бояться, или?.. Вместо ответа, ссутулилась еще сильнее и ускорила шаг, старательно шаркая растоптанными кроссовками и не забывая пнуть подвернувшиеся под ноги случайные камешки. Пусть думают, что я — пацан. Именно в этом, судя по словам Диллона, он и хотел убедить окружающих. Кажется, игра началась...

Кахелия, поглощенная мегаполисом, давным-давно уже обзавелась искусственным климатом. В городе никогда не было слишком холодно или слишком жарко, слишком сыро или слишком засушливо. Умные искины тщательно регулировали громоздкие климатические установки, расположенные глубоко под городом, исходя из среднеарифметиче-

ского потребностей жителей планеты. То есть, большинству проживающих на Кахелии всегда было комфортно, я знала об этом потому, что мой жених, лин Монтриалли, вернее, его корпорация, была одной из тех, кто отвечал за беспроblemную и бесперебойную работу искинов и установок. Но вот именно сейчас мне почему-то показалось, что они сло-мались...

Успевать за широким и целеустремленным шагом Дилло-на, да еще и изображать при этом парнишку, не желающего идти туда, куда его ведут, было и без того сложно. В меня годами вбивалось, что нужно плечи держать развернутыми, а спину – прямой, что ходить нужно, не шаркая, поднимая ноги. А тут сутулься и не поднимай головы. И это в то вре-мя, когда любопытство буквально ест поедом, требуя осмот-реться и понять, куда меня занесло. А еще постоянно мерещится, что кто-то очень любопытный уставился в спину и пристально наблюдает за моим малейшим движением. В об-щем, волны озноба ритмично прокатывались у меня по ко-же, заставляя усомниться в крепости собственного здоровья или правильности работы климатических установок. И это не добавляло спокойствия. Понять, куда мы направляемся, было совершенно невозможно. А задать вопрос я откровен-но боялась.

У меня не было привычки доверять своей интуиции. То ли жизнь не приучила, то ли у меня это вообще не было раз-вито, но сейчас я старалась отгородиться от своих не особо

приятных ощущений. Вместо того чтобы к ним прислушиваться. Боялась, что если Диллон обратит внимание на то, что я без конца дергаюсь, то психанет и действительно бросит меня посреди незнакомого района и без средств связи. Но уже буквально через пару минут я сильно пожалела, что не заострила внимания своего невольного телохранителя на том, что мне постоянно кажется, будто я чувствую на себе чужой взгляд.

Мы прошли не более пары десятков шагов, когда с неба слева от нас камнем упал какой-то странный транспорт: похожий на доску скейта, но ведь аэроскейты в состоянии взлетать не выше, чем на метр от дороги! Я едва не завизжала от испуга и шарахнулась в сторону, толкнув Диллона. И похоже, именно это и спасло нам жизни...

В тот момент, когда я всем телом врезалась в Диллона, испуганно отшатнувшись от резкого падения воздушно-го транспорта, раздался пронзительный, бьющий по ушам свист. В воздухе остро и едко запахло раскаленным металлом. А грузная женщина с тяжелой сумкой в руке неуклюже отпрыгнула в сторону от нас и от сумасшедшего, управлявшего необычным транспортом. Раздумывать, что это было, времени точно не было.

Столкновение привело к тому, что я всем телом ощутила, как дернулся Диллон. На краткий миг застыл, словно оцепенел. А потом, сцедив сквозь зубы длинную свистящую фразу, очень похожую на ругательство на незнакомом мне языке,

ке, резко развернулся, ухватил меня за шкуру и повалил на выщербленное и неровное бетонное покрытие тротуара...

Все случилось слишком уж неожиданно. Я не успевала ни вывернуться из рук сбрендившего окончательно Диллона, ни как-то затормозить свое падение, ни предупредить удар. От столкновения с допотопным дорожным покрытием у меня не то что воздух вышибло из легких, а от резкой боли потемнело в глазах. На какое-то время я ослепла и оглохла, потерявшись в болевых ощущениях. А потом сверху на меня упало тело Диллона и стало еще хуже.

По телу пробежала новая волна дрожи, когда серые глаза, так пугавшие меня еще несколько минут назад, вдруг оказались близко, очень-очень близко от моих собственных. Так близко, что я хорошо видела, как нервно пульсирует темная звездочка зрачка посреди серой зеркальной глади. Эта пульсация почему-то невероятно притягивала и завораживала меня.

– Испугалась? – вдруг хриловато и как-то по-доброму шепнул парень, и не думая скатываться с меня.

– Нет, – слишком ошарашенная произошедшим чтобы со-
врать, шепнула бездумно. – Кажется, просто не успела.

Диллон криво усмехнулся одним уголком рта:

– Ничего, сейчас тебе представится повторный шанс ужас-
нуться происходящему. Соберись. Я сейчас собою этого гада
с доски, и мы ее ненадолго позаимствуем...

У меня как-то непроизвольно округлились глаза. На кон-

чике языка вертелся вопрос: «Что значит, позаимствуем?» Первая часть фразы как-то вообще прошла мимо моего сознания. Вот только задавать этот вопрос было некому. Раздался новый отвратительный свист, заставляющий меня кричиться как от зубной боли, и Диллон резко вскочил. В тот же миг сверху на меня посыпалось нечто мелкое и очень колющее, причиняющее крайне болезненные ощущения не защищенным одеждой участкам лица и шеи.

События развивались с такой скоростью, что я уже перестала вообще хоть что-нибудь понимать. Перекатившись на бок и пытаясь избавиться от того, что просыпалось на меня сверху, и от чего кожа горела, будто по ней прошлись теркой, я услышала короткий возмущенный вопль. Крик оборвался мгновенно. Будто кричавший задохнулся или ему резко закнули чем-то рот. А в поле зрения возникла уже знакомая рука Диллона:

– Хватайся! Быстрее! Эта мразь, скорее всего, здесь не одна! Нам нужно побыстрее отсюда выбираться!

Слишком ошеломленная, чтобы вникать в смысл сказанного, я машинально ухватила за протянутую ладонь, как за единственный островок незыблемости в окружающем меня хаосе. И едва не завизжала, в последний миг прикусив кончик языка. Диллон вздернул меня с тротуара с такой силой, что меня будто пружиной подбросило!

Опомнилась я уже на стремительно набирающей высоту доске, в сильных руках Диллона.

– Замри и не дергайся! – прокричал он мне в ухо. – Этой пакостью чрезвычайно сложно управлять, а на падение у нас права нету!

Доска поднималась так быстро, что от ветра у меня слезились глаза, а окружающие здания размазались как на некачественном снимке. Снизу доносились какие-то невнятные звуки, но я боялась даже голову повернуть, что уж говорить о том, чтобы наклониться и рассмотреть происходящее внизу!

– Что происходит? – прокричала, давясь тугими воздушными струями, забивавшимися в открытый рот. – И куда мы направляемся?

Доска в этот момент прекратила набор высоты, плавно повернулась на сто восемьдесят градусов и рванула вперед с такой скоростью, что, если бы не руки Диллона, клещами сжимавшие мою талию, я бы полетела вниз, как сорванный ветром с ветки осенний листок.

Ветер сорвал слишком широкий капюшон худи с головы, и я забеспокоилась, чтобы не потерять еще и бейсболку, которая единственная сейчас оберегала мои волосы от злых порывов ветра. Диллон подбородком отодвинул в сторону мешающий ему капюшон и крикнул мне в ухо:

– Что происходит? Боевики оказались либо умнее, чем я думал, либо осведомленнее! Если ты не поняла, то нас уже успели обложить. Если бы этот лопух с лазерной пушкой не слишком сильно на нее надеялся, мы бы, скорее всего, уже были у них в руках! А так нам повезло вырваться из окруже-

ния. И сейчас мы направляемся в сторону космопорта. Купить билеты на межзвездник не получится. Но можно укрыться на одном из искусственных спутников Кахелии, у моей семьи там склады и лаборатории. Чужие не смогут пробраться туда. Главное, суметь проникнуть незамеченными на территорию космопорта!..

Глава 4

До сегодняшнего моя жизнь протекала предсказуемо и размеренно, по давным-давно расписанному сценарию. Элитный закрытый колледж для девочек, в котором учились дочери верхушки планеты, из которого выходили будущие жены и матери политиков и бизнесменов, на чьих плечах и покоилось спокойное будущее Кахелии. Строгий отец, редко бывающий дома, но знающий обо мне все. Богатый жених-бизнесмен. Посещение благотворительных вечеров, приемов, выставок и музеев. Все как у всех. Моя жизнь не предполагала потрясений. Но все изменилось в один миг, и вот уже я на закате дня мчусь в неизвестность в объятиях подозрительного красавца, а за нами охотятся мафиози. Романтика. Вот только я оказалась не готова к подобной сказке.

Страх полета на такой высоте и на такой скорости долго не отпускал меня. Даже то, что Диллон цепко, почти до боли сжимал мою талию, не особо помогало успокоиться. Я съежилась, скукожилась в его руках почти до состояния камня, стараясь хотя бы так уменьшиться в размерах, прилипнуть к доске. А когда я все-таки смогла взять себя в руки, мы уже начали снижение. Не знаю, сколько по времени занял наш полет, но я успела продрогнуть на ветру, хотя поношенная толстовка, в которую я обрядилась по настоянию Диллона, была все еще очень плотной и теплой. Да и рассмотреть что-

то по дороге не получилось. То мешал страх, то слезы на глазах от ветра, а теперь мы плавно снижались прямо в какие-то ржавые железные трущобы. В голове мелькнула идиотская мысль, что в мегаполисе других трущоб, если они есть вообще, быть не может.

Посадка оказалась жесткой. От удара о почву колени у меня подломились. Устояла на ногах я только благодаря Диллону. Доска, и не думая останавливаться без пассажиров, выскользнула у нас из-под ног, как-то рвано дернулась и врезалась в огромный, проржавевший до дыр контейнер, или чем там еще мог быть при жизни подобный куб, и разлетелась на сотни кусочков острого пластика. Осколки зловеще свистнули, врезаясь в ржавый металлолом. Я потрясенно уставилась на эту картину, даже не собираясь что-либо предпринимать. Диллон за спиной зло выругался, и в следующий миг я ощутила сильный удар под колени, заставивший меня все-таки потерять равновесие и полететь носом вперед, в пыль и мусор свалки, на которую притащил нас Диллон.

– Идиотка! Беспомощная тупица! – яростно визжал он мне в лицо, мгновенно вскочив после падения и так же мгновенно, неуловимым движением, хватая меня за руку и поднимая на ноги. – Тебе жить надоело? Почему не уклонилась от осколков? Не обезопасила лицо и глаза? Или захотелось обзавестись симпатичным рваным шрамом от виска и до твоего маленького лживого рта?!

Психика живых существ странно устроена. Я почти не об-

ратила внимание на очередное оскорбление и обвинение в тупости. Но несправедливая нападка Диллона и обвинение в якобы лживости меня возмутили:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.